

ними картинками, — скажи, не тебя ли жадно искал я, не к тебе ли тоскливо порывалась душа моя, пламенная ко всему благому и прекрасному?.. Помня тот день незабвенный, когда, достав тебя, уединился я далеко, кажется в огороде, между грядками бобов и гороха, под открытым небом, в лесу пышных подсолнечников — этого роскошного украшения огородной природы, и там, в этом невозмущаемом уединении, быстро переворачивал твои толстые и жёсткие страницы... О, милорд! Что ты со мною сделал? Ты так живо напомнил мне золотые годы моего детства, что я вижу их перед собою; железная современность исчезает из моего сознания: я снова становлюсь ребёнком... и вот уже с бьющимся сердцем бегу по пыльным улицам моего родного городка, вот вхожу на двор родимого дома с тесовою кровлею, окружённый бревенчатым забором... А в доме — там нет ни комнаты, ни места на чердаке, где бы я не читал, или не мечтал, или позднее не сочинял... Постойте, я поведу вас... Но, милорд, что ты со мною сделал? Какая кому нужда до моего детства».

Сейчас всем нам «нужда» до всего, из чего складывается облик великого русского литератора и, конечно, до его детства. И мы тоже благодарны «глутому милорду»: ведь из-за него сама рецензия невольно приобрела характер драгоценного сейчас дневникового свидетельства о «золотых годах» детства Белинского.

В 1822 году одиннадцатилетним мальчиком поступил Белинский в чембарское только что открытое (официально оно считалось основанным 1 ноября 1821 года) уездное училище. Пребывание Белинского в училище совпадает и с гораздо более тяжёлым периодом в жизни самой семьи, особенно в отношениях с пившим отцом.

Сейчас в училище размещена также экспозиция, посвящённая прошлому Чембара. Это превращает музей как бы в общий краеведческий музей и одновременно расширяет наши представления уже об отнюдь не домашнем, но очень широком, бытовом, социальном, природном контексте, каким была для мальчика Белинского вся эта чембарская сторона. Приведу лишь один пример того, как захватывала Чембар «большая» история и как запечатлевалась она в детском сознании. В августовские дни 1824 года в Чембаре пребывал император Александр I, ехавший на войсковые маневры под Пензу. «Помнишь ли, — напишет Белинский Д.П.Иванову через тринадцать лет, — как мило вели себя господа военные, особенно кавалеристы, в царствование Александра, которого мы с тобою видели собственными глазами за год или за два до его смерти? Помнишь ли, как они нахальствовали на постоях, увозили жён от мужей из одного удальства, были ужасом и страхом мирных граждан и безнаказанно разбойничали».

Интересен этот училищный музейный комплекс и не только памятной для нас связью с именем Белинского, но и как своеобразный образчик народного просвещения на, так сказать, уездном уровне. В чембарском училище был двухгодичный курс обучения. Судя по отчётной ведомости смотрителя, в первом классе обучали «катехизису, Священной истории, чтению Священного писания, российской грамматике, правописанию, первой части арифметики, чистописанию и рисованию. Во втором классе — катехизису, второй части арифметики, Всеобщей и Российской географии, Всеобщей и Российской истории, начальным основаниям геометрии и физики, правилам слога и рисованию».

В ведомости за 1823 год Белинский значится в числе лучших учеников. Но уже тогда кое-кому становилось ясно, что, может быть, дело идёт не просто о хорошем ученике, не об «отличнике». В 1823 году Чембар посетил директор народных училищ Пензенской губернии, будущий автор исторических романов И.И.Лажечников: «Во время делаемого мною экзамена выступил передо мною, между прочими учениками, мальчик лет 12, которого наружность с первого взгляда привлекла моё внимание: лоб его был прекрасно развит, в глазах светился разум не по летам... Я особенно занялся им, бросался с ним от одного предмета к другому, связывал их непрерывною цепью, и, признаюсь, старался сбить его... Мальчик вышел из трудного испытания с торжеством... Я спросил, сын этого мальчик. «Виссарион Белинский, сын здешнего уездного штаб-лекаря», — сказали мне. Я поцеловал Белинского в лоб, с душевной теплотою приветствовал его... Общество, которое дитя встречало у отца, были городские чиновники, большею частью члены полиции, с которыми уездный лекарь имел дело по своей должности (от которой ничего не наживал). Общество это видел он нарастать... Душа его, в которую пала с малолетства искра Божия, не могла не возмущаться при слушании этих речей, при виде разного рода отвратительных сцен. С ранних лет кипела в нём и ненависть к обскурантизму, ко всякой неправде, ко всему ложному, в чём бы они ни проявлялись, в обществе или литературе. Оттого-то его убеждения перешли в его плоть и кровь, слились с его жизнью».

В 1824 году после уездного училища Белинский начинает готовиться к поступлению в гимназию. Чембарский период его жизни заканчивался. Впереди были Пенза... Москва... Петербург.

ЛЕБЕДЕВ Юрий Владимирович —

доктор филологических наук, профессор Костромского государственного педагогического университета, автор учебников, статей по отечественной литературе
literush@mail.ru

ИДЕАЛ ДУХОВНОГО САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В статье открываются истоки православно-христианского восприятия человека и природы в русской литературе XIX—XX веков.

Ключевые слова: сущность духовной любви, человек и природа, отражение и преобразование мира, индивид и личность, соларизация, одухотворение.

Annotation. The article opens the origins of the Orthodox-Christian perception of man and nature in the Russian literature of XIX—XX centuries.

Key words: the essence of spiritual love, human being, nature, reflection and transformation of the world, individual and person, solarization, inspiration.

«Идеал при общечеловеческой значимости имеет непрменные черты самобытности, — считает В.Ю.Троицкий. — ...Этот идеал более всего отражается в религии, в вере, которую народ исповедует, в том, как эта вера воплощается в культуре народа, в корнях её свойствах»¹.

Тема «Православие и литература» стала в последние годы одной из признанных и ведущих в отечественном литературоведении. Однако не всегда учитывается, что связь пи-

сателя с национальной святыней своего народа находится на уровне генетическом. Она проявляется не только в том, что он изображает, но и в том, как он видит мир.

1

Курляндская проницательно заметила в своё время, что для Тургенева-прозаика характерно преимущественное внимание к поэтическому наследию Пушкина. Именно пушкинская поэзия определяет специфику

тургеневской прозы: «Тургенев совершает новый шаг в развитии художественной прозы: он использовал принцип эмоционально окрашенного, поэтически звучащего слова, соединил прозу с поэзией...»².

Тургенев действительно был призван привить русской прозе то качество, которое Белинский применительно к пушкинской поэзии называл «лелющей душу гуманностью». Но в чём заключалась её суть? Какова её природа? Вероятно, она заключалась в

особом качестве лирического сознания Пушкина, духовная сущность которого особенно ярко раскрылась в знаменитом стихотворении поэта «Я вас любил...».

Лирика по своей родовой сущности тяготеет к субъективности, к замкнутости внутреннего мира поэта в пределах своей личности. Условно говоря, пафосом её является любовь поэта к самому себе. Но есть и другая форма лирики, основанная на духовной любви к миру, которая позволяет лирическому поэту преодолеть субъективную замкну-

тость и бескорыстно отдать себя другому, почувствовать другого как самого себя:

*Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим³.*

По высоте и чистоте нравственного чувства этим стихам трудно подобрать аналогию как в русской, так и в мировой литературе. Пушкин поднимается здесь над эгоизмом любви, сопряжённым этому чувству, которое всегда сопровождается ревнивым отношением к любимому человеку. Пушкин поднимается над ревностью легко и свободно, без всякого самоотречения, демонстрируя здесь редчайшую духовную щедрость своей поэтической души.

В «Письме к Т.И.Филиппову» (1856) А.С.Хомяков так охарактеризовал два типа любви, присущие человеку: «Любовь, как требование притязательное и самолюбивое, любовь, ставящая цель в лице любящем, есть ещё не отрешившийся эгоизм»: другой человек признаётся в ней ещё «как средство наслаждения, а не как цель». «Истинная любовь имеет иное, высшее назначение. Предмет любимый уже не есть средство: он делается целью, и любящий уравнивает его с собою, если не ставит выше себя». Он «переносит на него свои собственные права, часть своей собственной жизни ради его, а не ради самого себя. Таково определение истинной, человеческой любви: она по необходимости включает уже в себе понятие духовного самопожертвования»⁴.

Именно такое качество лирического сознания позволило Пушкину-поэту написать стихотворение «Я вас любил...» и создать большое эпическое полотно, «энциклопедию русской жизни» — «роман в стихах» «Евгений Онегин».

Русская классическая литература унаследовала от Пушкина талант бескорыстного, ничем относительным и преходящим не ограниченного духовного созерцания. «Я чувствую себя как бы давно умершим, — сказал однажды И.С.Тургенев, — как бы принадлежащим к давно минувшему, — существом, но существом, сохранившим живую любовь к Добру и Красоте. Только в этой любви уже нет ничего личного, и я, глядя на какое-нибудь прекрасное молодое лицо, так же мало думаю при этом о себе, о возможных отношениях между этим лицом и мною — как будто бы я был современником Сезостриса, каким-то чудом ещё двигающимся на земле среди живых. Возможность пережить в самом себе смерть самого себя — есть, может быть, одно из самых несомненных доказательств бессмертия души. Вот — я умер — и всё-таки жив — и даже, может быть, лучше стал и чище. Чего же ещё?»⁵.

По существу мысли Тургенева переключаются здесь с заповедью Спасителя: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода. Любящий душу свою погубит её; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит её в жизнь вечную» (Ин. XII, 24—25).

Тургенев в лучших своих произведениях проявил редчайшее чувство свободы от всего временного, конечного, личного и эгоистического, от всего субъективно-пристрастного, приглушающего остроту зрения,

С.Харламов. Иллюстрация к произведениям М.М.Пришвина. 1979

широту взгляда, полноту художественного восприятия. Его влюблённость в жизнь, в её капризы и случайности, в её мимолётную красоту была совершенно свободна от всякой примеси самолюбивого авторского «я». Пушкинское «Как дай вам Бог любимой быть другим» составляло сердцевину поэтического мироощущения Тургенева и давало ему возможность видеть дальше и зорче многих его современников.

Тургенев привил к русской прозе не чуждый эпическим жанрам, но окрашивающий их светом высокой духовности пушкинский «лиризм».

2

Исследователи отечественной поэзии обратили внимание, что *духовный* тип сознания — характерная примета нашей лирики вообще. Русские прозаики и поэты, например, ценили в человеке его способность чутко вслушиваться и зорко всматриваться в природу не для того, чтобы выразить себя, а для того, чтобы понять её язык. Поэт пушкинского круга Е.А.Боратынский в стихах «На смерть Гёте» так определял эту замечательную способность, присущую одухотворённому человеку:

С природой одною он жизнью дышал:

Ручья разумел лепетанье,

И говор древесных листов понимал,

И чувствовал трав прозябанье;

Была ему звёздная книга ясна,

И с ним говорила морская волна»⁶.

Размышляя о национальном своеобразии русской пейзажной лирики, Н.Я.Берковский писал: «В нашей лирике держалась здоровая эпическая связь с природой. Русские поэты не столько отыскивали для отдельно переживаемой ими эмоции какое-то подобие в мире природы, сколько там, в образах национальной природы и национального быта, впервые находили свою эмоцию, узнавали её там... Фет, которого у нас обвиняли в изощрённости, сравнительно с поэтами Запада прост и целен. Огни, передвигаемые по комнатам, овраг, который размерзает, который расшевелила весна, воробей, который трепещет крылом, купаясь в собственной песне, — вот лирический мир Фета... Иной раз трудно сказать, кто «субъект» фетовской лирики, сам ли поэт, или та берёза, та зимняя дорога, те ели в лесу, те сани и овраги...»⁷.

А француз Мельхиор де Вогюэ замечал, что в «Бежине луге» Тургенев-поэт «заставил говорить землю, прежде чем заговорили дети, и оказалось, что земля и дети говорят одно и то же»⁸. Природа наталкивает ребятишек у костра на красивые, фантастические сюжеты легенд, диктует их смену, предлагает детям одну загадку за другой и сама же нередко подсказывает возможность их разрешения. Рассказ о Русалке, например, предваряется шурушанием камышей и загадочными всплесками на реке, а также полётом падающей звезды — души человеческой, по крестьянским поверьям. Образ Русалки удивительно

чист и как бы соткан из самых разных природных стихий. Она светленькая и беленькая, как облачко, серебряная, как свет месяца или блеск рыбки в воде. И «голосок у ней такой тоненький и жалобный», как голос того загадочного зверька, который «слабо и жалобно пискнул среди камней». На смех и плач поэтической крестьянской Русалки незамедлительно откликается в рассказе ночная природа: «Все смолкли. Вдруг, где-то в отдалении, раздался протяжный, звенящий, почти стелющийся звук. Казалось, кто-то долго, долго прокричал под самым небосклоном, кто-то другой как будто отозвался ему в лесу тонким, острым хохотом, и слабый, шипящий свист промчался по реке» (С., IV, 102).

Деревья, цветы, травы, животные у русского «собрата» Тургенева М.М.Пришвина — сёстры и братья человека, поскольку все они — дети Солнца. Солнцу уподобляются деревья, травы, цветы. Питаясь светом солнца, они становятся на него похожи. Вот «один маленький цветочек раскрыл пять голубых лепестков: эти лепестки у него были небом, а посередине все эти лепестки были связаны маленьким золотым солнцем... Солнце великое не могло увидеть такой красоты: человек увидел её, удивился и назвал цветок с пятью голубыми лепестками и жёлтым солнышком внутри незабудкой»⁹.

Природа бессловесна. Но человек, ею рождённый, «обернувшись назад в природу, может понять каждую тварь в её напряжённом движении к слову» (7, 441). Вот слышит Пришвин весёлый, радостный звон весенней капли и пытается понять причины этой радости: «В самое сердце проникли мне эти исходящие от солнца первые звуки весны. Мне самому захотелось или запеть, или хорошему своему человеку сказать небывалое по красоте и силе задушевное слово. В то же время под пение первой воды я думал о первом человеке на земле, произнёсшем своё первое слово: может быть, он тоже так, ослеплённый солнечным светом, как я, закрыл глаза и услышал эти звуки, исходящие от солнца, и ему тоже, как мне теперь, захотелось запеть самому или сказать своё необыкновенное, небывалое слово. И он это сделал, и он это сказал, и с этого всё началось: от солнечного луча на земле родилось первое слово» (4, 289—290).

Или вот Пришвин вспоминает, как он оказался однажды на Севере вечером, «когда на солнце можно прямо глядеть, не отводя глаз, и думать, и думать. Тогда кажется, будто оттого солнце и погасло, что роздало живым существам свою мысль. Солнце не блистит больше, но зато человек смеется, и ему теперь кажется, будто и на всей земле, и в каждом существе горит солнечная мысль, и даже верхушки деревьев, захваченные солнцем, теперь своей мыслью горят, и согласно мыслям каждая верхушка получает какой-нибудь свой особенный лик и делается на что-то похожа.

Это бывает так с каждым перед тем, как ему предстоит о чём-нибудь большом догадаться: душа лучами расходится от себя куда-то на всё и на всех, и вдруг лично сам ис-

чезаешь, себя вовсе не чувствуешь, но зато является спасительная мысль, и человек решает вопрос о том, что ему делать» (6, 203).

По словам русского мыслителя Е.Н.Трубецкого, «жизнь нашей планеты и населяющих её существ не будет до конца только вращением вокруг солнца. В солнце когда-нибудь облёгнется подлинный источник жизни. Тогда отношение к солнцу из внешнего станет внутренним, жизнь сама станет насквозь солнечной, как ризы Христа на Фаворе; и этим оправдывается вся радость о солнце, наполняющая поля и леса. Оправдан и подъём жаворонка, и многообразная симфония птичьих голосов, и световая гамма человеческой поэзии. Оправданы бесконечно яркие краски жизни — и радостные, потому что они предвосхищают краски новой земли, и скорбные, потому что они готовят нас к этой радости! Оправдана и всеобщая радость о свете, ибо она — действительный предвестник грядущего всеобщего воскресения и преображения»¹⁰.

«Все скажут, что узнавать свою человеческую жизнь по жизни растений есть символизм, но я не хочу и не хочу называть это символизмом, и вот почему, — заметит Пришвин в своём дневнике. — Символизм — это приём в искусстве, подчинённый человеческому разуму. У меня же всё происходит не от разума и не для каких-нибудь целей в искусстве. У меня в душе и теле есть действительно общая жизнь со всякими живыми существами, и с растениями, и с животными» (8, 454). Солнечная природа замечается Пришвиным и в его маленьких героях Насте и Митраше из сказки-были «Кладовая солнца». У Насти и волосы «отливают золотом», и веснушки по лицу «крупные, как золотые монетки, и частые, и тесно им было, и лезли они во все стороны» как солнечные лучи. И Митраша «был весь в золотых веснушках».

Когда Митраша и Настя очутились на Звонкой борине в ранний утренний час, им показалось, что птицы своим криком хотят выговорить какое-то общее всем, единое прекрасное слово. Но птицам оно недоступно. А человек, вышедший из природы, его знает. Это слово — «здравствуй!». Дети видят тетерева-косача, который, усевшись на соединённых между собою сучках сосны и ели, «стал расцветать в лучах восходящего солнца». «На голове его гребешок загорелся огненным цветком. Синяя в глубине чёрного грудь его стала переливать из синего на зелёное. И особенно красив стал его радужный, раскнутый лирой хвост.

Завидев солнце над болотными жалкими ёлочками, он вдруг подпрыгнул на своём выскоке мостике, показал своё белое, чистейшее бельё подхвостья, подкрылья и крикнул: — Чув, ши!

По-тетеревиному «чув» скорее всего значило солнце, а «ши», вероятно, было у них наше «здравствуй» (5, 225).

Перед нами особый вид христианского пантеизма, далёкий от пантеизма языческого. «В христианском пантеизме, — пронциательно отмечает А.Г.Гачева, — импульс про-

светления, обожения природы, когда воистину «будет Бог все во всем» (1 Кор. 15, 28)». Христианский пантеизм — «то состояние мироздания, которое будет в Царствии Небесном, и в образцах христианской пантеистической лирики явлено как бы предчувствие будущей «мировой гармонии», взгляд с любовью обращён к животным, растениям, небу, стихиям дня и ночи, видит внутреннее родство всего сущего, сознаёт и собственную нерасторжимую связь с природой, которая в своих стихиях и тварях уже «не слепок, не бездушный лик», но «В ней есть душа, в ней есть свобода, В ней есть любовь, в ней есть язык» (Тютчев)¹¹.

3

Именно потому Пришвин вслед за русскими классиками XIX века видит и другое. В природе, наряду с добрыми силами, живут и действуют силы недобрые, злые. В ней идёт борьба за существование между растениями, деревьями, насекомыми, животными. Природа стонет и страдает от этого раздора. В этих столах и жалобах чуткий человек слышит мольбу о помощи. Каково же назначение человека? Что ждёт от него страдающая природа? Для чего призван он к жизни на нашей земле?

Пришвин так ответил на эти вопросы в небольшой заметке «Искусство»: «Лягушку все знают, как она квакает в тёплой воде, когда ей хорошо, но мало кто слышал, как она пищит, когда попадает в зубы собаке. Я первый раз в жизни своей услышал этот звук, быстро оглянулся, освободил несчастную лягушку. Она скакнула в ручей, и быстро вешняя вода унесла её.

Лягушка исчезла, но панический звук остался во мне. И всё в природе, наверное, также умирает и оставляет в душе человека что-то своё. Это всё от природы, скопляясь в душе человека, ищет выхода и образует талант, создающий новую природу.

Может быть, затем и существует на земле человек, чтобы данную дикую природу, обречённую на звериную борьбу за существование, переделать на человеческую в единстве закона и милости.

И, может быть, тоска человека по какой-то чудесной природе и есть начало мук его возрождения им новой милостивой и прекрасной природы? И, может быть, эти муки возрождения и радость явления в мир небывалого мы называем искусством?» (7, 213).

Человек призван спасти природу от раздора и вражды. Как венец творения, он наделён для этого спасительной силой духовной любви. Именно такая любовь помогает ему смягчать природные конфликты, одухотворять звериные инстинкты. Но Пришвин с сожалением замечает, что своему божественному призванию человек верен далеко не всегда. Вот Митраша в споре с Настей заупрямился и возгордился, а ласковая и чуткая сестрёнка не смогла на сей раз одолеть свою обиду, укротить его строптивый нрав. И природа откликается на размолвку и ссору ребятишек грозным предупреждением: «То-

гда серая хмарь плотно надвинулась и закрыла всё солнце со всеми его живительными лучами. Злой ветер очень резко рванул. Сплетённые корнями деревья, прокалывая друг друга сучьями, на всё Блудово болото зарычали, завывали, застонали» (5, 22).

А когда Настеньку обуяла жадность, и в погоне за большими ягодами она забыла про своего братца, лось, наблюдающий за ползающей в грязной болотной воде девочкой, не признаёт в ней человека, потому что «у неё все повадки обычных зверей, на каких он смотрит равнодушно, как мы на бездушные камни» (5, 243).

Если уж в общении друг с другом человек не всегда остаётся верен спасительной силе любви, то по отношению к природе он об этом своём призвании чаще всего забывает. Пришвин с сожалением замечает: «Приручением животных люди занимались только на заре человеческой культуры и, добыв себе несколько видов домашних животных, почему-то забросили его и продолжали с домашними жить по рутине, а диким стрелять» (4, 43).

Между тем приручённые человеком животные оказывают ему порой никем не заменимую помощь. В очерке «Друг человека» Пришвин рассказал, как умная собака Ярик подсказала ему важную деталь в сюжете «Кладовой солнца». Пришвин часто писал свои рассказы в лесу, примостившись на удобном пне. На сей раз в его голове складывался рассказ о тонущем в болоте мальчике, попавшем в елань и медленно в неё погружавшемся, так что на поверхности болота оставались только руки, плечи и голова. Мальчика надо было спасти. Но как? «Не так-то легко, друзья мои, достать из себя такое слово, чтобы оно могло спасти человека, и не всякий может достать такое слово, чтобы оно могло тут же стать и делом.

— Ярик, — сказал я, — помоги мне, будь другом.

Я и сейчас вижу эти глаза, как он взглянул на меня. Сколько в них было напряжения, чтобы понять меня, сколько готовности сейчас же для меня всё сделать и даже умереть, если только поймёт!

И вот чудо! Этот глубокий мучительный взгляд моего друга Ярика проник в меня. Мгновенно я представил себе, что далёкие предки Ярика были дикие звери. Столетия и даже тысячелетия проходили, и нужно было, чтобы каждый человек, имеющий собаку, вкладывал в неё частицу своего доброго человеческого сердца, чтобы в моём Ярике в конце концов осмыслился такой взгляд и собака стала настоящим другом человека в дикой природе.

И как только я подумал о собаке, друге человека, вдруг в этот момент я и достал это нужное слово-мысль... Эта мысль была в том, чтобы в рассказе моём спасла тонущего в трясины мальчика собака, друг человека» (5, 378—379).

Призвание человека, по Пришвину, заключается в том, чтобы вернуть природе утраченную гармонию. «Природа для меня, огонь, вода, ветер, камни, растения, живот-

ные — всё это части разбитого единого существа. А человек в природе — это разум великого существа, накапливающий силу, чтобы собрать всю природу в единство» (7, 284)¹².

4

В «Братьях Карамазовых» Достоевского Алёша замечает: «Половина твоего дела сделана, Иван, и приобретена: ты жизнь любишь. Теперь надо постараться тебе о второй твоей половине, и ты спасён» — «...А в чём она, вторая твоя половина?» — «В том, что надо воскресить твоих мертвецов, которые, может быть, никогда не умирали»¹³. Любовь к земной жизни таит в себе веру в бессмертие, инстинктивно питается этой верой.

Русские писатели XIX века в своих художественных созданиях славословили Бога в Божьем творении. Это был признанный Отцами Церкви путь положительного или *катафатического* богопознания, утверждающего, что весь мир, всё существующее есть некий образ или изображение Божие: «Мы познаём Бога не из Его природы, которая непознаваема и превышает всякую мысль и разум, но из установленного Им порядка всех вещей, который содержит некие образы и подобия Божественных первообраз...»¹⁴. Это созерцание в образах первообраза, *созерцание Бога в мире* станет характерной приметой отечественной литературы.

В споре с князем Андреем в «Войне и мире» Пьер так опровергает безотрадный взгляд своего друга на себя и на жизнь вокруг: «Вы говорите, что не можете видеть царства добра и правды на земле. И я не видал его; и его нельзя видеть, ежели смотреть на нашу жизнь как на конец всего. На земле, именно на этой земле (Пьер указал в поле), нет правды — всё ложь и зло; но в мире, во всём мире есть царство правды, и мы теперь дети земли, а вечно — дети всего мира. Разве я не чувствую в своей душе, что я составляю часть этого огромного, гармонического целого? Разве я не чувствую, что я в этом бесчисленном количестве существ, в которых проявляется Божество, — Высшая сила, — как хотите, — что я составляю одно звено, одну ступень, от низших существ к высшим? Ежели я вижу, ясно вижу эту лестницу, которая ведёт от растения к человеку... отчего же я предположу, что эта лестница прерывается со мною, а не ведёт всё дальше и дальше до высших существ. Я чувствую, что я не только не могу исчезнуть, как ничто не исчезает в мире, но что я всегда буду и всегда был»¹⁵.

На замечание внука Афоня, что ему всё надоело и ничего не мило, слепой дед Архип в драме Островского «Грех да беда на кого не живёт» отвечает: «Оттого тебе и не мило, что ты сердцем не покоен. А ты гляди чаще да больше на Божий мир, а на людей-то меньше смотри; вот тебе на сердце и легче станет. И ночи будешь спать, и сны тебе хорошие будут сниться. <...> Красен, Афоня, красен Божий мир! Вот теперь роса будет падать, от всякого цвету дух пойдёт; а там и звёздочки зажгутся; а над звёздами, Афоня, наш Творец милосердный. Кабы мы получили

помнили, что Он милосерд, сами были бы милосерднее!»¹⁶.

«...Всякий-то теперь стремится отделить своё лицо наиболее, хочет испытать в себе самом полноту жизни, — сетует старец Зосима в романе Достоевского “Братья Карамазовы”, — а между тем выходит из всех его усилий вместо полноты жизни лишь полное самоубийство, ибо вместо полноты определения существа своего впадают в совершенное уединение» (14, 275).

На чём же основано «самостоянье» человека в русском его понимании? Пушкин так отвечал на этот вопрос:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

*На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его. (3, 214, 468)*

Вслед за Пушкиным М.М.Пришвин в своей «сказке-были» утверждает, что личность человека — «кладовая солнца». В наших душах откладывается слой за слоем не только собственный жизненный опыт, но и опыт наших отцов, дедов, прадедов, пращуров, опыт тысячелетий, приобретённый человечеством за долгую жизнь на земле. И «самостоянье» человека должно опираться на этот опыт и его приумножать. Не случайно, работая над «сказкой-былью», Пришвин делает такую заметку в своём дневнике: «Все мои мысли о связи живых и мёртвых» (5, 457).

Что помогает Митраше и Насте преодолеть сиротство и выжить в трудных условиях жизни, в которых они оказались? Их спасает от верной гибели память об отце и матери. «Так у многих сирот бывает, что родители как бы невидимо с ними живут и управляют» (6, 432), — замечает Пришвин. Прочитайте внимательно «Кладовую солнца» и заметьте, что память об отце и матери является для детей спасительной, что она сопровождает их на каждом шагу: «Бывает, и теперь Митраша вспомнит, как отец наставлял его мать, и вздумает, подражая отцу, тоже учить свою сестру Настю. Но сестрёнка мало слушается, стоит и улыбается... Тогда Мужичок в мешочке начинает злиться и хорохориться и всегда говорит, задрав нос:

— Вот ещё!

— Да чего ты хорохоришься? — возражает сестра.

— Вот ещё! — сердится брат. — Ты, Настя, сама хорохоришься.

— Нет, это ты!

— Вот ещё!

Так, помучив строптивого брата, Настя оглаживает его по затылку, и, как только маленькая ручка сестры коснётся широкого затылка брата, отцовский задор покидает хозяина.

— Давай-ка вместе полоть, — скажет сестра.

И брат тоже начинает полоть огурцы, или свёклу мотыжить, или картошку сажать.

Да, очень, очень трудно было всем во время Отечественной войны, так трудно, что, наверно, и на всём свете так никогда не бывало. Вот и детям пришлось хлебнуть много всяких забот, неудач, огорчений. Но их дружба перемогла всё, они жили хорошо. И мы опять можем твёрдо сказать: во всём селе ни у кого не было такой дружбы, как жили между собой Митраша и Настя Весёлкины. И думаем, наверно, это горе о родителях так тесно соединило сирот» (5, 218). «Если же подглядеть потихоньку их домашнюю жизнь, — замечал Пришвин, — то часто Настя ему была, как мама. Если же люди видели, как она в хозяйстве ему подчинялась, то на самом деле Настя подчинялась не ему, а отцу» (6, 432).

5

Начиная с эпохи Ренессанса в литературе Запада получает права гражданства активный герой, демиург, провозгласивший себя мерою всех вещей. Такой герой строит свои отношения с миром в форме монолического самоутверждения. Мир ставится на второе место после человека, подчиняется его диктаторскому монологу, его напористой энергии и воле.

В противоположность частным целям и идеалам западного индивида наша классическая литература утверждает своё понимание личности: «Западный человек толкует о братстве как о великой движущей силе человечества и не догадывается, что где-то братья, коли его нет в действительности. Что делать? Надо сделать братство во что бы то ни стало. Но оказывается, что сделать братства нельзя, потому что оно само делается, даётся, в природе находится. А в природе французской, да и вообще западной, его в наличности не оказалось, а оказалось начало личное, начало особняка, усиленного самосохранения, самопромышления, самоопределения в своём собственном Я, сопоставления этого Я всей природе и всем остальным людям, как самоправного отдельного начала, совершенно равного и равноценного всему тому, что есть кроме него. Ну, а из такого самопоставления не могло произойти братства. Почему? Потому что в братстве, в настоящем братстве, не отдельная личность, не Я, должна хлопотать о праве своей равноценности и равновесности со всем остальным, а всё-то это остальное должно бы было само прийти к этой требующей права личности, к этому отдельному Я, и само, без его просьбы должно бы было признать его равноценным и равноправным себе, то есть всему остальному, что есть на свете. Мало того, сама-то эта бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была всё свое Я, всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но, напротив, отдать его обществу без всяких условий. Но западная личность не привыкла к такому ходу дела: она требует с бою, она требует права, она хочет делиться — ну и не выходит братства. <...> Что ж,

скажете вы мне, надо быть безличностью, чтоб быть счастливым? Разве в безличности спасение? — Задаёт вопрос Достоевский и отвечает на него так. — Напротив, напротив, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо в высочайшей степени, чем та, которая теперь определилась на Западе. <...> Сильно развитая личность, вполне уверенная в своём праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может и сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать её всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это закон природы; к этому тянет нормально человека» (5, 79).

Утверждаемое классической русской литературой понимание личности снимает типичное для писателей Запада противопоставление индивида и общества. Личность является средоточием бесконечного множества отношений с другими, с природой, с мирозданием в его прошлом, настоящем и первыми ростками будущего, с национальной религиозной святыней, и вне этих отношений она лишается живого содержания. Но и общественное, коллективное начало рассматривается в русской литературе не как предел и ограничение личного начала, а как его внутреннее восполнение. Проблема духовного становления человека не ограничивается индивидуальным самоусовершенствованием: она с необходимостью предполагает участие героя в совместной жизни со всеми, она неотделима от процесса одухотворения «мира», от совершенствования самих форм общения между людьми.

В зерне русского представления о человеке лежит, таким образом, православно-христианская антропология, существенно отличающаяся от антропологии литератур Западной Европы. Начиная с Пушкина, наша литература утверждает не светский гуманизм обожествившего себя человека, а гуманизм, основанный на сознании, что образ человека держится силою более высокой и могущественной, чем он сам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ТРОИЦКИЙ В.Ю. Слово и культура: 30 статей о слове, словесности, образовании, воспитании и культуре. — Свято-Алексеевская Пустынь, 2010. — С. 13.
- 2 КУРЛЯНДСКАЯ Г.Б. И.С.Тургенев и русская литература. — М., 1980. — С. 39.
- 3 ПУШКИН А.С. Собр. соч.: В 10 т. — М., 1963. — Т. 3. — С. 133. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
- 4 ХОМЯКОВ А. С. О старом и новом. — М., 1988. — С. 283—284.
- 5 ТУРГЕНЕВ И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. — М.; Л., 1964. — Письма. — Т. 4. — С. 184—185. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием серии (Сочинения — С; Письма — П), тома и страницы.

- ⁶ БОРАТЫНСКИЙ Е.А. Полн. собр. стихотворений. — Л., 1957. — С. 157. — (Б-ка поэта. Большая серия.)
- ⁷ БЕРКОВСКИЙ Н.Я. О мировом значении русской литературы. — Л., 1975. — С. 171—172.
- ⁸ Иностранная критика о Тургеневе. — 2-е изд. — СПб., 1908. — С. 49.
- ⁹ ПРИШВИН М.М. Собр. соч.: В 8 т. — М., 1984. — Т. 6. — С. 194. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
- ¹⁰ ТРУБЕЦКОЙ Евгений. Мировая бессмыслица и мировой смысл // Вопросы философии и психологии. — 1917. — Кн. 136 (1). — Январь—февраль. — С. 108—109.
- ¹¹ ГАЧЕВА Анастасия. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...». Достоевский и Тютчев. — М., 2004. — С. 88.
- ¹² Взгляд Пришвина на призвание человека развивает здесь традиции русской религиозной философии второй половины XIX века. «Говорят об умирающей и вечно возрождающейся природе. Какое злоупотребление словом! Если то, что сегодня рождается — не то же самое, что умерло вчера, а другое, то в чём же здесь возрождение? Из бесчисленного множества мимолётных смертных жизней ни в каком случае не выйдет одна бессмертная, — удержал русский философ В.С.Соловьёв в цикле “Воскресные письма” (1898). — Жизнь природы есть сделка между смертью и бессмертием. Смерть берёт себе всех живущих, все индивидуальности и уступает бессмертию только общие формы жизни: это единичное растение или

животное обречено неизбежно погибнуть после нескольких мгновений, но эта форма растительности или животности, этот вид или род организмов остаётся. Божью заповедь ко всем живым существам: плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю, смерть обращает в свою пользу. Плодитесь и размножайтесь не для того, чтобы расширить, упрочить и увековечить в свою очередь, станет лишь мостом для своих преемников и т.д. Вместо жизни и бессмертия — этот целый ряд мостов». Такая жизнь, по Соловьёву, призрачна. Она лишь «символ и зачаток истинной жизни». «Организация видимой природы не есть решительная победа живого духа над смертью, а только его приготовление для настоящих действий. Начало этих действий обусловлено появлением разумного существа над царством животным». Война между жизнью и смертью вступает в новый фазис с появлением существ, мыслящих о жизни и смерти. Но в их мыслях «ещё нет победы», а есть лишь «необходимое оружие победы». Победы нет потому, что духовная сила человека, связанная грехами, «оказывается недостаточной, чтобы захватить, собрать внутрь и претворить в себе всё наше внешнее, телесное существо». И потому наше естественное бессмертие есть только половинное бессмертие — тело умирает, бесплотный дух живёт. Явление Христа знаменует решительную победу жизни над смертью. Всё

живое в Нём сохраняется, всё смертное побеждено безусловно и окончательно. «Воскресение Христово есть тем самым торжество разума в мире. Оно есть чудо лишь в том смысле, в каком первое новое проявление чего-нибудь, как необычное, невиданное удивляет или заставляет чудиться. Если мы, забыв о результатах всемирного процесса в его целом, будем только следить за различными новыми его стадиями, то каждая из них представится чудом. Как появление первого живого организма среди неорганической природы, как, затем, появление первого разумного существа над царством бессловесных было чудом, так и появление первого всецело-духовного и потому неподлежащего смерти человека — первенца от мёртвых — было чудом. Если чудесами были предварительные победы жизни над смертью, то чудом должно признать и победу окончательную. Но то, что представляется как чудо, понимается нами как совершенно естественное, необходимое и разумное событие». — СОЛОВЬЁВ В.С. Собр. соч.: В 10 т. — СПб., 1911—1913. — Т. 8. — С. 104—107.

¹³ ДОСТОЕВСКИЙ Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — Л., 1976. — Т. 14. — С. 210. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

¹⁴ ФЛОРОВСКИЙ Г.В. Восточные Отцы V—VIII веков. — 2-е изд. — М., 1992. — С. 104.

¹⁵ ТОЛСТОЙ Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. — М., 1980. — Т. 5. — С. 123.

¹⁶ ОСТРОВСКИЙ А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. — М., 1974. — Т. 2. — С. 402.

ЯКУТИН Юрий Васильевич —

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии правительства РФ в области печатных средств массовой информации, научный редактор «Русской классической библиотеки. Экономика и духовность»
liter@sh@mail.ru

ВСЁ В ТВОИХ РУКАХ!

О ЖАНРЕ ПРИТЧИ*

Аннотация. Автор статьи в яркой, выразительной форме доказывает справедливость слов писателя В.Солоухина: «Самый ёмкий литературный жанр — притча. Квинтэссенция мудрости. Она приложима к тысячам случаев в жизни во все века...»

Ключевые слова: жанр притчи, иносказание, наставление, духовно-нравственное пространство, притча-аллегория, минимум изобразительных средств, злободневность.

Annotation. The author of an article in a bright, expressive form proves the writer Vladimir Soloukhin right: «The most capacious literary genre — a parable. The quintessence of wisdom. It is applicable to the thousands of cases of life throughout the ages...»

Key words: genre of parable, allegory, instruction, spiritual and moral space, parable-allegory.

Самый ёмкий литературный жанр — притча. Квинтэссенция мудрости. Она приложима к тысячам случаев в жизни во все века...

В.Солоухин

«Весь мир театр, а люди в нём актёры» — давно уже сказано и верно. За прошедшие века сложились и определённые представления о том, кому и как играть свою роль. Мудрецам и проповедникам, к примеру, приста-

ло говорить притчами! Это своего рода этикет, нарушать который не принято.

Притча — дом мудрости, а мудрец в нём хозяин. Но мудрость — это не только разум и благочестие, не только «знание пути своего» (Притч. 14, 8), это ещё и искусство в общении и наставлении. Иначе зачем же разделён человек мудростью?

Речь мудреца красна притчею! Чтобы люди смогли понять проповедуемые им истины, их нужно изъяснять языком доступным и привлекательным, то есть языком

притч. Человечество не изобрело ещё ничего лучшего.

— Почему ты такая грустная? — спросила нарядно одетая Притча у ничем не прикрытой Правды.

— Люди чураются меня, и я опускаюсь всё ниже и ниже. Наверное, виной тому старость! — отвечала ей та, печально склонив голову.

— О, тут дело не в старости! — не согласилась Притча, — я вот тоже не молода, но насколько не потеряла из былой привлекатель-

* См. также книгу «Притчи», вышедшую в 2008 году (М.: Издательский Дом «Экономическая газета». — 560 с.).